

КУКУШКИНА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

*педагог-психолог, Государственное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
«Детский сад № 143 Невского района Санкт-Петербурга»,
msamuilova@mail.ru*

MARIYA D. KUKUSHKINA

Teacher-Psychologist at the Kindergarten No. 143 of the Nevsky District of St. Petersburg

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДЫ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКА

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE ENVIRONMENT FOR A PRE-SCHOOL CHILD

АННОТАЦИЯ. Психологическая безопасность предполагает развитие и самовыражение ребенка без страха быть униженным или отвергнутым. В статье представлены основные причины и формы психологического насилия над детьми дошкольного возраста. Приведены случаи из практики, анализ которых иллюстрирует роль среды в последствиях детских психотравм и формировании негативных установок на их основе.

ABSTRACT. The article is dedicated to the psychological safety of the environment for pre-school children. Psychological safety involves the development and self-expression of a child without the fear of being humiliated or rejected. The article outlines the main causes and forms of psychological violence against pre-school children. The article describes two cases from practice, the analysis of which illustrates the role of the environment in the consequences of childhood psychotrauma and the formation of negative attitudes based on them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психологическая безопасность, психотравма, психологическое насилие.

KEYWORDS: psychological safety, psychological trauma, psychological violence.

В период от трех до семи лет у детей закладывается «ядро личности» и самосознание. Именно в этом возрасте ребенок учится оценивать себя с разных позиций, с каждым годом расширяется и палитра его эмоций, он развивается, изучает окружающий мир и самого себя. Основываясь на отношении к себе окружающих и на информации о себе, полученной от них вербально или невербально, дети делают выводы о себе и об окружающем мире, формируются соответствующие установки на будущее. Безусловно, в этом возрасте роль семьи и окружения огромна. Количество значимых взрослых растет с приходом ребенка в детский сад, и от их поведения зависит, каким он вырастет. В дошкольном возрасте ребенок как никогда нуждается в принятии и поощрении особенностей его личности, которые только начинают проявляться. Нужно понимать, что выбор методов воспитания окружающими его взрослыми влияет на будущее маленького человека.

О роли среды в формировании и развитии личности ребенка говорится в работах многих ученых (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Д. А. Леонтьев и др.). По мнению Э. Эриксона, каждой стадии развития присущи ожидания общества, которые индивид может оправдать или не оправдать, и тогда он либо включается в общество, либо отвергается им. Эта идея Э. Эриксона легла в основу выделения им ступеней, стадий жизненного пути. Л. С. Выготский, в свою очередь, отмечает в развитии поведения две сплетенные линии: естественное

«созревание» и культурное совершенствование, овладение культурными способами поведения и мышления. Существуют разные точки зрения на то, какие факторы являются первостепенными в развитии личности — биологические или социальные. В данной работе мы не ставим целью решение этой научной проблемы. Нами будет рассмотрено влияние среды — социальной и домашней — на психологическое состояние и развитие ребенка. Социальная среда — совокупность общественных отношений, складывающихся в обществе (уклад жизни, традиции, окружающие человека социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий), доминирующие в нем идеи и ценности. Благоприятной социальной средой является та, в которой это все направлено на развитие творческой, инициативной личности. Домашняя среда — окружение близких людей, материальные условия; целый мир, воплощенный в игрушках и играх, своя жизненная территория. Развитие ребенка обеспечивается дружбой и любовью родителей, в отношениях с близкими. Общение с родителями и взрослыми имеет особое значение в обогащении знаниями и жизненным опытом, у ребенка формируется потребность взаимодействия с окружающими, что становится важнейшим источником его разностороннего развития. Большинство работ, посвященных психологической безопасности образовательного процесса, касаются школьного и высшего образования. В настоящей работе исследуется

психологическая безопасность дошкольника в общении со взрослыми как в условиях дошкольного образовательного учреждения (ДОУ), так и дома. К семи годам у дошкольника происходит развитие высших чувств, складывается самооценка посредством оценки окружающих, ребенок начинает в полной мере осознавать свои переживания, и именно психологическая безопасность среды, в которой ребенок находится большую часть времени, играет ключевую роль в успешном формировании этих возрастных новообразований.

И. А. Баева определяет категорию психологической безопасности в трех аспектах:

1) как состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье и социальное благополучие включенных в нее участников;

2) как система межличностных отношений, которые вызывают у участников чувство принадлежности (референтности среды); убеждают человека, что он пребывает вне опасности (отсутствие вышеперечисленных угроз);

3) как система мер, направленных на предотвращение угроз для продуктивного устойчивого развития личности [1, с. 97].

Таким образом, от психологической безопасности среды зависит возможность поддержания психологического здоровья ребенка. Психологическое здоровье — это динамическая гармония человека внутренняя (физического тела, его мыслей и чувств) и внешняя (между человеком и окружающими его людьми, природой, космосом). Психологическое здоровье — оптимальное функционирование всех психических структур, необходимых для текущей жизнедеятельности. Это не только душевное, но еще и личностное здоровье, состояние, когда душевное здоровье сочетается с личностным. Основная функция психологического здоровья — поддержание активного динамического баланса между человеком и окружающей средой.

В качестве критериев психологического здоровья можно выделить:

- адекватный возрасту уровень эмоционально-волевой и познавательной сфер личности;
- способность планирования своей деятельности;
- позитивный образ «я»-концепции;
- возможность саморегуляции психических состояний;
- самокритичность;
- самостоятельность;
- способность к рефлексии, эмпатии;
- сформированность навыков общения.

Результатом психологического здоровья детей является здоровая личность [1, с. 150].

В работах ученых, занимающихся вопросами моделирования и проектирования психологически безопасной образовательной среды (И. А. Баева, О. В. Вихристюк, Л. А. Гаязова, В. В. Коврова),

психологическое насилие рассматривается в качестве одной из основных угроз психическому здоровью ребенка как субъекта образовательной среды. Термин «психологическое насилие» обозначает периодическое или постоянное оскорбление ребенка какими-нибудь неприятными словами, унижение его человеческого достоинства, высказывание угроз. Эмоциональное насилие над ребенком — это любое действие, которое вызывает у него состояние эмоционального напряжения, что подвергает опасности нормальное развитие его эмоциональной жизни. Наиболее часто встречающиеся виды психологического насилия над дошкольниками: публичное унижение, высмеивание, оскорбление, угрозы, обидное обзывание, принуждение сделать что-то против желания, неуважительное отношение, игнорирование, запугивание, шантаж, изоляция (т. е. отчуждение ребенка от нормального социального общения), угрюмость, отказ от обсуждения проблем, «травля запретами», терроризирование (неоднократное оскорбление ребенка словами и формирование стабильного чувства страха), поддержание постоянного напряжения, издевки, моральное разложение (коррупцирование), привлечение и принуждение ребенка к действиям, которые противоречат общественным нормам и наносят ущерб ребенку (принуждение к совершению краж, употреблению алкоголя или наркотиков).

В книге И. Г. Малкиной-Пых «Экстремальные ситуации» описаны признаки, по которым можно предположить наличие эмоционального или психологического насилия над детьми. Скорее всего, оно имеет место, если ребенок:

- эмоционально невосприимчив, равнодушен;
- грустен, субдепрессивен или у него выражена депрессия;
- сосет пальцы, монотонно раскачивается (аутоэротические действия);
- замкнут в себе, задумчив или, наоборот, агрессивен;
- «приклеивается» к любому взрослому в поисках внимания и тепла;
- испытывает ночные приступы страха, плохо спит;
- не выказывает интереса к играм.

Физиологические реакции ребенка также могут свидетельствовать о том, что он является жертвой эмоционального или психологического насилия. Сюда относятся:

- ночной и дневной энурез (недержание мочи);
- психосоматические жалобы: головная боль, боли в животе и области сердца, жалобы на плохое самочувствие и т. д.;
- замедленное физическое и общее развитие ребенка [3].

Понимание мотивов и причин психологического и эмоционального насилия важно для того, чтобы разработать ряд профилактических мер, направленных на то, чтобы избежать их появления.

А. Миллер среди родительских мотивов выделяет следующие:

- бессознательная потребность перенести на другого унижение, которому они сами когда-то подвергались;

- потребность дать выход подавленным чувствам;
- потребность обладать живым объектом для манипулирования, иметь его в собственном распоряжении;
- самозащита, в том числе потребность идеализировать собственное детство и собственных родителей посредством догматического приложения (переноса) родительских педагогических принципов на своего ребенка;
- страх проявлений, которые у них самих когда-то были подавлены, проявлений, которые они видят в собственных детях, тех, что должны быть уничтожены в самом зародыше;
- желание взять реванш за боль, которую родитель когда-то пережил [3, с 132].

По результатам наблюдения и анонимного опроса родителей, воспитателей и помощников воспитателя ДОУ можно выделить основные причины психологического насилия:

1. Собственный негативный опыт и детские психотравмы. Несмотря на то, что люди, пережившие в детстве психологическое насилие со стороны родителей, воспитателей или учителей, зачастую помнят, насколько сильно они были травмированы, и сторонятся подобных методов воспитания, бывает и наоборот. Многие зависят от того, какие механизмы психологической защиты сформировались на фоне детских психотравм. Известны случаи, когда у взрослых людей «включается» механизм регрессии и такие действия, как обидное обзывание, насмешки, угрозы, они объясняют тем, что «он первый начал». Механизм рационализации может «помочь» найти логические (или кажущиеся таковыми) доводы в пользу применения психологического насилия: «меня так воспитывали и вот какой/какая я вырос (ла)», «он/она мне за это еще "спасибо" скажет». Достаточно часто встречаются механизмы проекции, отрицания, замещения, сублимации и др.

2. Недостаток осознанности и логики в собственных действиях и решениях, действие «по накатанной». Этот пункт тесно связан с предыдущим, поскольку причиной применения психологического насилия является отказ отойти от знакомого, привычного «шаблона» поведения, заложенного еще в детстве. Взрослый человек сам не осознает причин того или иного запрета или правила. К таким запретам относятся: запрет на проявление эмоций («не плачь, не кричи, не топай ногами»), запрет на собственное мнение («не спрашивай, почему что-то нельзя»), запрет на какие-либо действия, не несущие никакого вреда ни ребенку, ни окружающим («не шатай ногой», «сиди ровно», «не строй рожи»). Зачастую родители и воспитатели сами не отдают себе отчет в том, почему они запрещают подобные действия, когда ребенок находится в состоянии свободной игры. Психологическое насилие в таких ситуациях обычно проявляется в принуждении ребенка к действиям, которые он делать не хочет (и нет никакой объективной причины на то, чтобы он их делал). К этому же пункту относится пищевое насилие. Несмотря на все статьи и телепередачи о вреде пищевого насилия, многие родители

(а также бабушки и дедушки) до сих пор принуждают детей к еде.

3. Подавляемая агрессия. Неумение выражать собственные эмоции, в частности агрессию, приводит к ее проявлению в «завуалированной» форме психологического насилия. Так, мама, которую раздражает игра сына на игрушечном барабане, вместо того, чтобы напрямую сказать о том, что устала и хотела бы посидеть в тишине, и попросить об этом, воспользуется насмешкой («ну тебе медведь на ухо наступил», «по голове себе постучи») или угрозой («не перестанешь стучать — выкину твой барабан в окно»).

4. Неумение достигнуть цели другими методами, чувство беспомощности. Одной из главных причин применения психологического насилия является то, что это старинный, зарекомендовавший себя и эффективный метод воздействия на ребенка с целью добиться от него желаемого поведения. Порой только «побочные эффекты» этого метода в форме повышенной тревожности, неврозов и психосоматических расстройств заставляют родителей и воспитателей обратиться к поиску более «экологичных» методов воспитания.

Наряду с психотравмой, в когнитивной психологии часто используются понятия энграммы и установки. Энграмма — термин, введенный в оборот немецким зоологом и биологом Рихардом Земоном в начале XX века. В теории мнемизма энграмма — это физическая привычка или след памяти на протоплазме организма, оставленный повторным воздействием раздражителя. Таким образом, на основе детской психотравмирующей ситуации у человека может сформироваться определенная программа действий, смысл которой он не будет осознавать, пока психотерапия не «поднимет» ее на сознательный уровень. В когнитивном подходе часто используется понятие «установка» — неосознанное психологическое состояние, внутреннее качество субъекта, базирующееся на его предыдущем опыте, предрасположенности к определенной активности в определенной ситуации. Установка предвзвешивает и определяет развертывание любой формы психической деятельности. Она выступает как состояние мобилизованности, готовности к последующему действию, обусловлена соответствующей потребностью субъекта и необходимостью ее удовлетворения. Наличие у человека установки позволяет ему реагировать конкретным способом на то или иное политическое или социальное событие или явление. Ведущие ученые, занимавшиеся данной проблемой (Л. С. Рубинштейн, Д. Н. Узнадзе и его школа), относят феномен установки к категории бессознательного, однако не отождествляют установку и бессознательное психическое, считая их отдельными, но взаимосвязанными реалиями. При этом установка, по мнению А. Е. Шерозия, выполняет функцию связи между: (а) психическим и транспсихическим, (б) отдельными сознательными психическими актами и (в) сознательными и бессознательными психическими процессами [4, с. 239].

Приведем пример из практики, иллюстрирующий роль среды в формировании энграмм

и негативных установок на фоне психотравмирующих ситуаций детства.

Мать (клиентка А) и сын (клиент Б) (7 лет) пережили схожие психотравмирующие ситуации в возрасте шести-семи лет.

Клиентка А — 34 года, замужем, есть сын. Взаимоотношения с мужем и сыном очень теплые, душевные, ребенок растет в атмосфере любви и взаимопонимания. В темпераменте Клиентки А ярко выражены флегматические черты, схожие черты прослеживаются у ее сына: спокойствие, неторопливость и т. п.

Клиентка А воспитывалась в строгости авторитарной и педантичной матерью, отец придерживался более либеральных взглядов на воспитание, но, как правило, выбирал нейтральную позицию или вставал на сторону жены. В анамнезе семьи есть случаи невротизации по линии отца (бабушка, отец). Основными методами воздействия на ребенка были ирония, сарказм, насмешки, в случае непослушания — игнорирование и запугивание («мне не нужна дочь неряха, сдам тебя в детдом»). В возрасте семи лет по дороге из школы домой у Клиентки А случилась непроизвольная дефекация, свидетелями которой стали учитель и несколько одноклассников. Клиентка не помнит реакцию учителя или одноклассников, но предполагает, что она была негативной, так как мысли об этом инциденте долгое время вызывали чувство вины. Клиентка А в деталях запомнила реакцию матери, когда пришла домой и возникла необходимость постирать испачканные вещи. Мать была очень недовольна, обвинила ее в произошедшем, жаловалась на то, что теперь должна стирать за ней, а затем была дана установка «если бы ты сходила в туалет перед выходом, этого бы не случилось». Эта установка превратилась в одержимость туалетом. Женщина, перед тем как выйти из дома, проводила в туалете как минимум полчаса в попытках вызвать дефекацию. Интересно, что мать все равно была недовольна. Теперь ее раздражало, что дочь проводит слишком много времени в туалете, и свое раздражение мать выражала в виде сарказма и насмешек. Таким образом, боязнь потерять любовь матери, стать «плохой и ненужной» оказалась причиной невроза, проявлявшегося в возвращении симптомов, схожих с симптомами расстройства пищеварительной системы, при возникновении любой угрозы потерять расположение матери и разочаровать ее. Состояние ухудшалось при нахождении Клиентки А в общественных местах. Какое-то время она даже старалась избегать поездок в общественном транспорте и нахождения там, где рядом нет туалета. Наиболее запоминающийся рецидив произошел в подростковом возрасте, когда ситуация практически повторилась: произошла непроизвольная дефекация, из-за чего Клиентка А опоздала на встречу с матерью и тем самым «подвела» ее и вызвала негативную реакцию. Невроз стал трансформироваться в социофобию и начал влиять на качество жизни Клиентки А, а также ее общение с окружающими. Значительное улучшение случилось после замужества, переезда от матери и десяти месяцев когнитивно-поведенческой терапии

в комбинации с арт-терапией в возрасте 30 лет. Все это помогло снизить интенсивность страха, избавиться от симптомов и завершить психологическую сепарацию с матерью. В настоящий момент симптомы возвращаются в очень легкой форме, когда Клиентка А приезжает в гости к матери.

Клиент Б, сын Клиентки А, пережил похожую ситуацию в возрасте шести лет. Непроизвольная дефекация произошла в группе детского сада. Воспитатели адекватно отреагировали на произошедшее и сделали все возможное, чтобы не привлекать всеобщее внимание к инциденту. Клиентка А принесла сыну чистые вещи в детский сад, обняла и успокоила его, предложила пойти вместе домой. Идти домой он отказался, поскольку не видел причин уходить из садика. На консультации Клиент Б отметил, что когда это произошло, он больше всего боялся негативной реакции воспитателя и матери, но они нормально к этому отнеслись, и ему стало легче. Он ощутил себя в безопасности, понял: что бы ни случилось, это не изменит отношения значимых взрослых к нему. Установка, сформировавшаяся после данной психотравмы и произнесенная ребенком в ходе психологического консультирования: «Я думал, меня будут ругать и смеяться надо мной, а все закончилось хорошо. Не всегда то, чего боишься, случается и правда». Ситуация была отреагирована в этот же день на приеме у психолога при помощи методов гештальт- и арт-терапии. С тех пор в течение года не наблюдалось никаких проявлений повышенной тревожности или других симптомов влияния этой психотравмы на жизнь и поведение ребенка.

В рамках консультирования нами было обращено особое внимание на факт повторения ситуации из жизни матери практически в том же возрасте у ее сына. Опыт работы психолога с этой семьей показывает несколько случаев проявления подобных «семейных сценариев», когда получая недостаточно любви, внимания и принятия, член семьи «уходит» в невроз, близкие становятся мягче, внимательнее, удовлетворяя таким образом потребность в любви и принятии хотя бы временно. Наступает состояние ремиссии, после чего при возвращении привычного стиля семейного общения и психотравмирующих ситуаций симптомы возвращаются с новой силой, и все повторяется. Для Клиентки А проблема сына стала возможностью «проиграть» психотравмирующую ситуацию из детства, только в другой роли: сделать все «правильно» (так, как она хотела бы, чтобы поступили с ней) и таким образом выйти из сценария. Для нас эта ситуация наглядно показывает роль среды в формировании позитивных и негативных установок, которые в дальнейшем влияют на жизнь ребенка. Наиболее важной переменной было отношение значимых взрослых к произошедшему. По нашему мнению, именно этим обусловлена такая разница в сделанных выводах и сформировавшихся установках у Клиентки А и Клиента Б.

В книге «Невротическая личность нашего времени» К. Хорни пишет об отсутствии подлинной теплоты и привязанности между ребенком и родителями, в чем она видит главное зло. Основная

причина того, почему ребенок не получает достаточно любви, заключается в неспособности родителей давать ее вследствие их собственных неврозов. По мнению К. Хорни, реальное отсутствие теплоты чаще маскируется, чем проявляется открыто, и родители утверждают, что учитывают в первую очередь интересы ребенка [5, с. 154]. Приверженность воспитательным теориям, гиперопека или самопожертвование со стороны «идеальной» матери являются факторами, создающими атмосферу, более всего способную заложить основу для чувства огромной незащищенности в будущем. К. Хорни также анализирует такие действия родителей, которые не могут не вызывать в ребенке враждебности: предпочтение других детей, несправедливые упреки, непредсказуемые колебания между чрезмерной снисходительностью и презрительным отвержением, невыполненные обещания, отношение к потребностям ребенка, проходящее через все градации — от временной невнимательности до постоянного вмешательства и ущемления самых настоящих и законных желаний. Например, попытки расстроить его дружбу с кем-либо, высмеять проявление независимого мышления, игнорирование его интересов. В целом такое поведение взрослых — даже если это делается неумышленно — означает ломку воли ребенка и попадает под определение психологического насилия [5, с.213].

В заключение стоит отметить, что сейчас в системе дошкольного образования особое внимание уделяется поддержанию психологической безопасности в ДОУ. Оценка уровня психологической безопасности входит в обязанности служб психолого-педагогического сопровождения в ДОУ, которые сейчас создаются в детских садах и развивающих центрах на основании инструктивно-методического письма Комитета по образованию Санкт-Петербурга «Об организации деятельности по оказанию психолого-педагогической помощи обучающимся в образовательных учреждениях, находящихся в ведении Комитета по образованию и администраций районов Санкт-Петербурга» № 03–28–1500/18–0-0 от 07.03.2018. На данный момент нет единых критериев психологической безопасности, но работа над этим ведется методистами и педагогами-психологами. Сейчас оценка психологической безопасности среды, как правило, сводится к посещению педагогом-психологом занятий в группах детских садов и подсчетам количества негативных и позитивных посланий воспитателей детям за определенное количество времени. По нашему мнению, этим все ограничиваться не должно. Формирование психологически безопасной среды — многоаспектный, многоуровневый процесс, включающий в себя как минимум четыре этапа:

1. Разработка критериев оценки психологической безопасности среды для дошкольника.
2. Диагностика уровня психологической безопасности образовательной среды с использованием методики И. А. Баевой «Психологическая безопасность образовательной среды», адаптированной к образовательной среде ДОУ.
3. Регулярное психологическое просвещение и психопрофилактика психологического насилия.

Необходимо, чтобы и родители, и сотрудники ДОУ, и администрация придерживались одной позиции по поводу психологического насилия. В рамках психопрофилактики, с учетом основных причин психологического насилия, о которых говорилось выше, можно провести серию тренингов для персонала и родителей по работе со стрессом и внутренней агрессией, а также познакомить их с эффективными психологически безопасными методами воспитания.

4. В работах автора монографии «Психологическая безопасность в образовании» И. А. Баевой обоснована важность создания «Паспорта психологической безопасности образовательного учреждения», а также системы психологической экспертизы в образовании [1]. Нам представляется, что это необходимый шаг как для школьного, так и для дошкольного образования.

Нужно понимать, что обеспечение психологической безопасности образовательной среды в идеале должно проходить параллельно с обеспечением психологической безопасности домашней среды воспитанников ДОУ. Сейчас это кажется сверхзадачей, достижение которой невозможно без необходимого объема эффективной просветительской работы, проводимой психологами в родительских группах.

Английский психолог Алиса Миллер в 1980 году в книге «Для твоего собственного блага» сформулировала «отравляющую педагогику» — комплекс воспитательных воздействий, которые ведут к развитию травмированной личности:

- Родители — хозяева (не слуги!) зависимого от них ребенка. Они определяют, что хорошо и что плохо.
- Ребенок несет ответственность за их гнев. Если они сердятся — виноват он.
- Родители всегда должны быть защищены.
- Детское самоутверждение в жизни создает угрозу автократичному родителю.
- Ребенка надо сломить, и чем раньше — тем лучше [3].

Что касается нашей страны, то одним из факторов «тормозящих» позитивные изменения, является ориентация некоторых семей на исчерпавшие себя и признанные неэффективными и опасными методы воспитания. Это позиция, которую можно резюмировать при помощи расхожей во времена Советского Союза фразы «Я — последняя буква в алфавите». Это может быть связано с тем, что в нашей стране зачастую воспитанием детей занимаются бабушки и дедушки, выросшие в другое время с другими ценностями и установками. Сейчас мы понимаем, что родительские предписания вроде «будь как все, постоянно сравнивай себя с другими», «взрослый всегда прав, ты хороший если слушаешься», «делать то, что хочешь, плохо», будучи понятыми буквально, могут быть очень опасны для психики ребенка. Давайте вспомним казавшийся когда-то забавным и логичным рассказ Н. Н. Носова «Огурцы», на котором выросли поколения. Узнав о плохом поступке сына, мать заставляет его одного ночью идти к сторожу с ружьем. На испуганное: «Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня» — она отвечает: «И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем

не будет сына, чем будет сын вор». Затем говорит: «Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!». Сейчас мы понимаем, что наряду с выводом, что воровать плохо, ребенок после таких слов мог подумать, что не нужен матери. Она принимает его, если он «хороший», и при любой его ошибке готова от него отречься и даже желать его смерти. Из практики психологического консультирования родителей дошкольников известно, что многие родители, перечитав этот знакомый с детства рассказ, шокированы его жестокостью. Меняются времена, а, следовательно, и подходы к воспитанию. Задачей родителей, воспитателей и психологов сейчас является вынести из прошлого позитивный опыт, эффективные и безопасные методы воспитания, чтобы обеспечить психологически безопасную среду для ребенка.

Итак, формирование психологически безопасной среды для дошкольников возможно при соблюдении следующих условий:

1. Активное взаимодействие и совместная работа администрации, психолога, сотрудников ДООУ и родителей воспитанников, нацеленная на организацию и поддержание психологически безопасной среды для дошкольников.

2. Увеличение объема психологического просвещения и психопрофилактики в дошкольных учреждениях для знакомства людей с понятием и принципами психологической безопасности.

3. Своевременное предотвращение, выявление и пресечение любого психологического насилия над дошкольниками.

В мире произошло множество позитивных, на наш взгляд, изменений в подходах к воспитанию и образованию детей. И если физическое насилие над ребенком, считавшееся когда-то адекватной воспитательной мерой, к счастью, встречается все реже в связи с другим отношением общества к нему и осознанием родителями уголовной ответственности за подобные воспитательные меры, то с психологическим насилием все обстоит иначе. Многие не рассматривают его как насилие. Когда мы говорим о безопасности среды, ключевым фактором является степень осознания угроз обществом. По аналогии с противопожарной безопасностью, общество должно понимать серьезность угрозы и ее возможные последствия. Шаги в этом направлении уже сделаны — в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена разработана и функционирует единственная в нашей стране магистерской подготовки «Психологическая безопасность в образовании и социальном взаимодействии». Представляется, что при условии эффективной работы служб сопровождения и готовности родителей и специалистов к изменениям в методах воспитания каждое следующее поколение будет иметь все меньше психотравм, омрачающих детство.

1. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 271 с.
2. Баева И. А., Волкова Е. Н., Лактионова Е. Б. Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности / под ред. И. А. Баевой. М.: Нестор-история, 2011. 272 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Экстремальные ситуации. М.: Эксмо, 2005. 960 с.
4. Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки. Тбилиси, Мецниереба, 1977. 591 с.
5. Хорни К. Собрание сочинений. Т. 1: Психология женщины. Невротическая личность нашего времени. М.: Смысл, 1997. 496 с.
6. Хорни К. Собрание сочинений. Т. 3: Наши внутренние конфликты. Невроз и развитие личности. М.: Смысл, 1997. 696 с.

References

1. Bayeva I. A. *Psikhologicheskaya bezopasnost v obrazovanii* [Psychological safety in education]. St. Petersburg: Soyuz Publ., 2002. 271 p. (In Russian).
2. Bayeva I. A., Volkova Ye. N., Laktionova Ye. B. *Psikhologicheskaya bezopasnost obrazovatelnoy sredy: razvitiye lichnosti* [Psychological safety of the educational environment: Personal development]. Moscow: Nestor-istoriya Publ., 2011. 272 p. (In Russian).
3. Malkina-Pykh I. G. *Ekstremalnyye situatsii* [Extreme situations]. Moscow: Eksmo Publ., 2005. 960 p. (In Russian).
4. Uznadze D. N. *Osnovnyye polozheniya teorii ustanovki* [Main provisions of set theory]. Tbilisi: Metsniyereba Publ., 1977. 591 p. (In Russian).
5. Horney K. *Feminine psychology*. New York: W. W. Norton and Co., 1993. 272 p. (Rus. ed.: Horney K. *Psikhologiya zhenshchiny*. Moscow: Smysl Publ., 1997. 496 p.).
6. Horney K. *Our inner conflicts: A constructive theory of neurosis*. New York: W. W. Norton and Co., 1945. 250 p. (Rus. ed.: Horney K. *Nashi vnutrenniye konflikty. Nevroz i razvitiye lichnosti*. Moscow: Smysl Publ., 1997. 696 p.).